

The background features a stylized, light gray tree with intricate, swirling branches and several dark gray leaves scattered throughout. The overall aesthetic is clean and artistic.

Вэдей
Ратнер

В
ТЕНИ
баньяна

Москва
2018

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P25

Vaddey Ratner

IN THE SHADOW OF THE BANYAN

© 2012 by Vaddey Ratner. Originally published by
Touchstone, a Division of Simon & Schuster, Inc.

Перевод с английского *Яны Саравайской*

Художественное оформление *Петра Петрова*

Школа перевода
В. Баканова

Ратнер, Вэдей.

P25 В тени баньяна : [роман] / Вэдей Ратнер; [пер. с
англ. Я. Саравайской]. — Москва : Эксмо, 2018. —
416 с. — (Роман-сенсация).

ISBN 978-5-04-095738-5

Для семилетней Рами беспечность детства закончилась, когда вернувшийся ранним утром отец сообщил о гражданской войне, захватившей улицы столицы Камбоджи. Скоро семья Рами — потомки королевской династии — лишилась всех привилегий и вынуждена была бежать. Следующие четыре года, живя в подполье, Рами будет всеми силами держаться за осколки разбитого детства: стихи и древние легенды — и бороться за выживание. «В тени баньяна» — история, полная боли, но при этом дающая надежду.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-095738-5

© Саравайская Я., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Моей матери

*Памяти моего отца
Его Высочества принца
Сисовата Аюраванна*

Глава 1

Первыми звуками войны, ворвавшейся в мое детство, были вовсе не взрывы снарядов, а шаги отца. Он вошел в дом и проследовал мимо детской в спальню. Тихонько щелкнула дверь. Осторожно, стараясь не разбудить Радану, я выскользнула из постели и, прокравшись к спальне родителей, приложила ухо к двери.

— Все хорошо? — В мамином голосе слышалась тревога.

Каждый день перед рассветом папа выходил из дома и около часа гулял по городу, наполняя сознание образами и звуками, — из них рождались стихи, которые он потом читал мне. Однако в то утро папа вернулся слишком быстро. Рассвет только занимался, и ночь еще не уступила место дню. За папой тенью в дом проникла странная тишина.

Я представила, как он лежит рядом с мамой, слушает, закрыв глаза, ее голос, и, хотя в голове роятся мрачные мысли, ему становится легче.

- Что случилось?
- Ничего, родная.
- Что тебя гложет?

Папа глубоко вздохнул:

— Улицы полны людей, Ана. Бездомных, голодных, отчаявшихся... — Он замолчал. Скрипнула кро-

вать — должно быть, папа повернулся к маме, и теперь они лежали лицом к лицу на одной подушке — я не раз видела их лежащими так. — Страдания...

— Что бы там ни творилось, — мягко прервала его мама, — знаю, ты защитишь нас.

Воцарилась напряженная тишина. Я представила, как их губы встречаются в поцелуе, и покраснела.

— Смотри! — Мамин голос звенел и переливался. В комнате распахнули ставни — как будто вспорхнула стая деревянных птиц. — Какое яркое солнце!

И эти простые слова прогнали гнетущее чувство, выбросили его за ворота, как бездомную кошку, которая увязалась за папой и пробралась в дом.

Свет залил фасад дома и расплескался по балкону. Сияющий ковер, сброшенный с небес беспечным теводой¹, подумала я и бросилась навстречу солнцу. Без металлической шины и ортопедических ботинок, которые я обычно носила, чтобы избавиться от хромоты в правой ноге, бежать было легко и приятно.

Солнечные лучи пробивались сквозь густую зелень сада. Словно новорожденное божество, зевая и потягиваясь, перебирало листья и ветви множеством длинных рук. Стоял апрель, и совсем скоро должен был прийти муссон, а с ним — дожди и спасение от жары и влажности. А пока в доме царили зной и духота, будто мы жили внутри воздушного шара. Моя кожа лоснилась от пота.

Приближался Новый год — долгожданный, желанный праздник!

---

¹ Теводы — в буддизме прекрасные небесные существа. Имеют ряд общих черт с ангелами в авраамических религиях.

— Подъем, подъем, подъем! — донеслось со стороны кухни.

Кричала Ом Бао, наша кухарка. Голос у нее под стать мощному телу, похожему на джутовый мешок, до краев наполненный рисом.

— Вставайте, лентяйки! — деловито кудахтала она. — Скорей, скорей, скорей!

Балкон, по которому я бежала, опоясывал весь дом. Я завернула за угол и увидела, как Ом Бао носится между домиком прислуги и кухней, нетерпеливо шлепая сандалиями.

— Умываемся, чистим зубы! — хлопая в ладоши, командовала она.

К глиняным бочкам, стоявшим в ряд возле кухни, потянулась вереница сонных девушек-служанок.

— Эй-эй-эй, солнце встало, поднимайте и вы свои зады! — Ом Бао шлепнула одну из служанок по попе. — Пропустите последний рык тигра и первый прыжок кролика!

Тигр был символом уходящего года, кролик — приходящего. Кхмеры празднуют Новый год в апреле, и начало нового, 1975 года приходилось на семнадцатое число. Оставалось всего несколько дней. В нашем доме приготовления к буддийским обрядам и приему гостей по случаю Нового года обычно начинались задолго до праздника. Однако в этом году из-за войны папа хотел обойтись без привычных торжеств. Новый год — время очищения, напомнил он, время обновления. И пока в стране идут бои, а улицы города наводняют беженцы, веселье неуместно. К счастью, мама считала иначе: именно сейчас праздник нужен как никогда — с его помощью мы прогоним зло и призовем добро.

Я обернулась и заметила маму. Она стояла в углу балкона, напротив спальни, приподняв волосы, чтобы немного остудить шею. Она медленно разжала пальцы, и длинные пряди заструились по спине, как легкая газовая ткань. *Бабочка, расправляющая крылья.* Строка из папиного стихотворения. Я моргнула — и мама исчезла.

Я помчалась в чулан с другой стороны дома, где накануне спрятала шину и ботинки и сделала вид, что не могу их найти, — мне так не хотелось надевать все это в жару. Однако мама, похоже, разгадала мой замысел. «Что ж, тогда завтра. Наденешь, сразу как проснешься. Уверена, они найдутся», — сказала она.

Вытащив ненавистные предметы из чулана, я быстро пристегнула шину и нацепила ботинки. Правый был немного выше, так как правая нога у меня короче левой.

— Рами! Вот ведь несносный ребенок! — услышала я, громыхая по балкону мимо приоткрытой двери детской. — Сейчас же иди сюда!

Я замерла, испугавшись, что Кормилица — наша няня — выйдет и загонит меня внутрь. Однако она не вышла, и я побежала дальше. *Где мама? Где она?* Балконная дверь в спальне родителей распахнута настежь. Папа с записной книжкой и ручкой — в ротанговом кресле у окна. Погруженный в себя, он опустил глаза и не обращал внимания на мир вокруг. *Бог, вещающий из тишины...* Строка из другого стихотворения. Как мне казалось, она очень точно описывает папу. Когда он сочинял, его не могло отвлечь даже землетрясение. Вот и сейчас он явно меня не замечал.

Мама исчезла. Я несколько раз спускалась и поднималась по лестнице, перегибалась через перила бал-

кона, заглядывала в сад. Нигде. Я всегда подозревала, что мама — призрак! Неуловимый дух нашего дома. Мерцающий светлячок. Она растворилась в воздухе! Фьюить!

— Рами, ты меня слышишь?

Иногда мне хотелось, чтобы Кормилица тоже растворилась в воздухе. В отличие от мамы она постоянно рядом, глаз с меня не спускает.словно вездесущий геккон, который карабкается по стене и верещит: «Тик-кер, тик-кер!» Я повсюду ощущала ее присутствие, слышала ее голос.

— Вернись, кому говорят! — гремела Кормилица в утренней тишине.

Резко свернув направо, я пробежала по длинному коридору через весь дом и снова выскочила на балкон в том месте, с которого начала. Маму я так и не нашла. Нелегко играть в прятки с духом, подумала я, задыхаясь от бега по жару.

— Пчкху-у! — Вдали прогремел взрыв, и мое сердце забилось сильнее.

— Да где же ты, негодница? — не унималась Кормилица.

Положив подбородок на резные перила, я притворилась, что не слышу. Крохотная бледно-розовая бабочка с крыльями, нежными, как лепестки бугенвиллеи¹, вылетела из сада и села на перила прямо передо мной. Я стояла не шелохнувшись. Бабочка словно переводила дух после полета. То раскрывала, то смыкала крылья, похожие на два веера, которые гонят прочь жару. *Мама в одном из своих обличий?*

---

¹ Бугенвиллея — вьющийся декоративный кустарник, отличается ярким пышным цветением.

Нет, просто бабочка, маленькая бабочка. Такая хрупкая, будто только что появилась из куколки. Может, она тоже ищет свою маму?

— Не волнуйся, — прошептала я. — Она где-то рядом.

Я протянула руку, чтобы погладить бабочку, утешить ее, но едва мои пальцы коснулись тонких крыльев, она упорхнула.

Во дворе что-то шевельнулось. Это Старичок, наш садовник, вышел поливать сад. Он двигался как тень, совершенно бесшумно. Взяв шланг, до краев наполнил водой пруд с лотосами. Спрыснул гардении¹ и орхидеи. Окропил жасмин. Срезал огненно-красные этлингеры², собрал их в букет и перевязал стеблем. Пока Старичок работал, над ним кружили разноцветные бабочки, точно он — дерево, а его соломенная шляпа — огромная цветущая крона. Вдруг в этом пестром облаке возникла Ом Бао. Куда только подевалась наша немолодая кухарка! Она кокетничала и стеснялась, как юная девица. Старичок сорвал для нее ветку франжипани³ и, прежде чем отдать подарок, легонько коснулся красными лепестками ее щеки.

— Я с тобой разговариваю! — в очередной раз прокричала Кормилица.

---

¹ Гардения — невысокий тропический кустарник с нежными белыми цветами.

² Этлингера — цветок с длинным стеблем и ярко-красными лепестками, по виду напоминающий факел.

³ Франжипани — тропическое дерево, цветы которого обладают сильным ароматом, напоминающим аромат цитрусовых, специй, жасмина. У буддистов является символом бессмертия, цветы используют при проведении обрядов, для украшения храмов и статуй.

Ом Бао поспешила на кухню. Старичок поднял голову и, увидев меня, покраснел. Затем, опомнившись, снял шляпу и низко поклонился, сложив ладони в сампэах¹. Он поклонился, потому что приветствовал госпожу, хотя мне было всего «семь с плевком», как говорила Кормилица, а Старичок жил на свете уже много лет. Я не удержалась и тоже добавила к своему сампэах поклон. Лицо Старичка расплылось в беззубой улыбке — должно быть, он почувствовал, что я не выдам его тайну.

Послышались шаги. Старичок обернулся.

Мама!

Она шла к Старичку плавной, неторопливой походкой. У меня в голове снова промелькнула папина строка: *Радуга, скользящая по цветочному лугу...* Сама я не сочиняла стихов, но, будучи дочерью поэта, часто видела мир таким, каким его описывал папа.

— Доброе утро, госпожа, — сказал Старичок, опустив глаза и прижав шляпу к груди.

Мама поздоровалась с ним.

— Сегодня так жарко, опять закрылись, — вздохнула она, глядя на лотосы. Это ее любимые цветы, обычно их подносят богам, но мама просила, чтобы у нее в комнате они тоже стояли. — Я надеялась, хотя бы один раскроется.

— Не беспокойтесь, госпожа, — заверил ее Старичок. — Я срезал несколько штук до рассвета и поставил в ледяную воду, чтобы они не закрывались.

---

¹ Сампэах — традиционное камбоджийское приветствие: ладони сложены в молитвенном жесте, голова слегка наклонена вперед. Чем больше выказываемое уважение, тем выше поднимаются руки.

Я принесу вазу в вашу комнату, когда Его Высочество закончит сочинять.

— Ты всегда меня выручаешь, — ответила мама с улыбкой. — Не мог бы ты собрать букет из закрытых цветов? Я отнесу его в храм.

— Как вам будет угодно, госпожа.

— Спасибо.

Он еще раз поклонился и не поднимал глаз до тех пор, пока мама не проплыла мимо. Она поднялась по лестнице, одной рукой придерживая полы сампота¹, — чтобы походка была сдержанной и изящной. Наверху мама остановилась и улыбнулась мне.

— О, ты нашла шину и ботинки!

— Я в них учусь медленно ходить!

— Неужели? — рассмеялась мама.

— Когда-нибудь я буду ходить как ты!

Мама перестала улыбаться. Она подошла, бесшумно ступая, и наклонилась ко мне.

— Мне все равно, как ты ходишь, милая.

— Все равно?

Ни шина, впивавшаяся в ногу, ни ботинки, сдавливавшие ступни, ни собственное отражение в зеркале не удручали меня так сильно, как печаль, что появлялась в маминых глазах, стоило мне заговорить о ноге. И я старалась говорить о ней как можно реже.

— Да, все равно... Для меня счастье, что ты вообще можешь ходить.

На мамином лице заиграла прежняя лучезарная улыбка.

Я стояла неподвижно, затаив дыхание. Вдруг мама

---

¹ Сампот — традиционная камбоджийская одежда: широкая полоса ткани, которую оборачивают вокруг пояса.

В тени баньяна

исчезнет, если я буду дышать, думала я. Она поцеловала меня в лоб, и ее волосы рассыпались по мне, как струи муссонного дождя. Я вдохнула ее аромат, тайну, которую она носила, как духи.

— Хоть кому-то приятно дышать в этой духоте, — произнесла мама, смеясь, словно мое странное поведение было для нее не меньшей загадкой, чем для меня — ее красота.

Я моргнула. Мама исчезла так же бесшумно, как появилась, вся словно сотканная из солнечного света.

Так рождаются стихи, говорил папа. Слова могут прийти с глотком воздуха и исчезнуть со взмахом ресниц, и в начале будет только

*Строка, что вьется в сознании,
Словно хвост воздушного змея,
Свободная от смысла и рифмы.*

Затем появляется все остальное, рождается сюжет — тот самый воздушный змей. Стихотворение обретает целостность.

— Эй-эй-эй, не зеваем! — тараторила внизу Ом Бао. — Полы — вымыть и натереть до блеска, ковры — выбить и вывесить на солнце, фарфор — расставить, серебро — отполировать, шелк — разгладить и надуть. Эй-эй-эй! Дела, дела, кругом дела!

Ветер шевелил раскидистые ветви баньяна¹, росшего посреди двора, и листья колыхались будто в танце. Некоторые особенно длинные ветви достигали балкона. Тени от листьев трепетали на моем теле шел-

---

¹ Б а н ь я н — дерево, способное разрастаться до невероятных размеров. Священное дерево в буддизме и индуизме, символ жизни и плодородия.